



КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 330.15(=35)''18''

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ (АВТОХТОННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА В XIX ВЕКЕ)¹

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

В статье проводится реконструкция традиционного природопользования и культуры жизнеобеспечения автохтонного населения Причерноморья – шапсугов, убыгов, абадзехов, – сложившихся до переселения в Турцию. Сформирована рабочая гипотеза об экологической сбалансированности отраслей традиционной экономики, отсутствии четко выраженной этнической специфики. Проводится тезис о формировании единой для адыго-абхазских племен культуры жизнеобеспечения, обусловленной не столько ландшафтным окружением, сколько устойчивой системой межэтнических (межкультурных) коммуникаций. Кавказ является одним из регионов мира, на материале исследования которого концепция о существовании прямой взаимосвязи между культуругенезом, включающим доместикацию, селекцию, формирование «производящих» моделей экономики, антропогенезом и этногенезом получила неоднократное подтверждение. Полиэтнический состав населения определил внутреннее содержание «колонизации» как процесса, составляющей которого стали урбанизация, интродукция субтропических культур, развитие рекреационного потенциала и инфраструктуры региона. Это привело к тому, что облик причерноморских районов Западного Кавказа стал аналогичным прибрежным районам Средиземноморья. Утверждение, содержащееся в работах адыгских исследователей, об этнической константе развития садоводства и уникальности вклада черкесов недостаточно аргументировано и требует приведения нового комплекса доказательств. Более справедливо утверждение об успехах адаптации традиционных форм экономики адыгов к ландшафтному своеобразию Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа, шапсуги, убыги, абадзехи, абхазы, традиционное природопользование, межкультурные и межэтнические коммуникации.

TRADITIONAL CULTURE AND NATURAL RESOURCES USE (BLACK SEA COAST NATIVES IN THE XIX CENTURY)

Sadovoy Alexander Nikolaevich, Dr. of Historical Sciences, Professor, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Centre of Russian Academy of Science (Sochi, Russian Federation). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

The Black Sea coast natives, Shapsugs, Ubygs and Abadzekhs' traditional nature using in the middle of the XIX century (before moving to Turkey) and subsistence culture reconstruction is the item of this

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка методов экспертной оценки прогноза качества жизни населения» Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы. Пункт 83. Разработка математического и экономического инструментария, а также теоретических и методологических основ анализа. Номер гос. регистрации: 114100740110.

paper. The author's attention is accented on the industries that determine the system of settling and territorial relations, agriculture and horticulture in the structure of the traditional integrated farming.

Three groups of sources were used. The first group includes reports of pre-revolutionary researchers, contains information on containing the traditional forms of economic activity of the population of the area. For the second group, the historiographical sources were referred: the work of researchers of the XX century dedicated to the land use and livelihoods reconstruction. The third group includes field research of the author.

The agricultural land explication along the coast of the Black Sea (area Tuapse-Sochi), systematic information on the species composition of "Circassian gardens," cereal and fruit crops are given in tabular form.

Description of the main technologies and analysis of environmental factors affecting the level of development of the traditional economy are presented separately.

It is concluded that the proportion of direct dependence of agriculture on the vertical zoning of natural territorial complexes (landscapes). It is suggested that the rural communities location in the upper reaches of rivers determined access to the alpine pastures, which raises the importance of livestock for a limited part of the coastal population.

The working hypothesis that the environmentally deterministic balance traditional sectors of the economy has led to a lack of distinct ethnic specificity was formed.

It is assumed that the unified Adyghe-Abkhaz tribal subsistence culture formation was due to not so much landscaped environment as stabling system of interethnic (intercultural) communication. The stability of the traditional way defines a continuous exchange of technology, varieties, breeds of cattle, marketable products.

Keywords: Black Sea coast, Shapsugs, ubygs, Abadzekhs, Abkhazs, traditional nature, intercultural and interethnic communication.

В отечественной историографии сложилась устойчивая традиция рассматривать традиционные формы природопользования и жизнеобеспечения в неотрывной связи с этнической историей и этногенезом. Этот подход, вне сомнений, плодотворен при монографических формах описания истории и традиционной культуры этносов и этнических групп, преподавании, формировании музейных экспозиций, отражающих этническое своеобразие культур. В то же время этот подход имеет и существенные методические ограничения. Зачастую игнорируется факт, что системы природопользования детерминированы не столько этническими, сколько экологическими факторами. В этой связи механизм адаптации сельских анклавов к экологической нише определяется не столько стремлением сохранить традиционную хозяйственную специализацию (своеобразный «этнический код»), сколько прийти к экономически оптимальным технологиям природопользования. Они могут быть выработаны в течение нескольких поколений или восприняты от окружающих этносов. В силу этого модели традиционной экономики не всегда имеют этническую окраску. Им присущ, как правило, универсальный характер.

Проиллюстрируем это положение на примере традиционного природопользования автохтонного населения Причерноморья, реконструированного по срезу первой половины XIX века. Ниже приводится аргументация рабочей гипотезы, согласно которой традиционные модели экономики адыгских племен Причерноморья как по своей отраслевой структуре, так и используемым технологиям не имели принципиальных отличий от сложившихся в сопредельной Абхазии и Западной Грузии. Стоит отметить определенную экологическую предопределенность ситуации: в горных экосистемах вертикальная зональность ландшафтов детерминировала практику комплексного хозяйства, для которого было характерно органическое сочетание *нескольких форм* отраслей экономики и отсутствие четко выраженной специализации хозяйств, социальная стратификация населения на основе обмена, а не эффективности производства. Многоукладная экономика гарантировала выживание сельских сообществ в ситуации, когда изменение ландшафтной среды объективно формировало «риски» обеспечения продовольственной безопасности и сохранения собственности.

Особое место в отраслевой структуре комплексного хозяйства (традиционного природопользования) почти во всех горных экосистемах занимало земледелие (подотрасли: огородничество и садоводство). Эта отрасль у всех автохтонных этносов Кавказа, включая адыгов, являлась древнейшим занятием [1, с. 187, 195–202]. Генезис отрасли, во многом, определялся тем, что Кавказ относится к районам мира, в которых при высоком разнообразии сортов и форм культурных растений вплоть до середины XX века сохранялись остатки древнейших земледельческих культур. В историографии приводятся косвенные данные в пользу того, что первые опыты возделывания культурных растений были приурочены именно к горным экосистемам, а уже оттуда этот опыт распространялся на прилегающие равнины [2]. Также принято считать, что наиболее оптимальными условиями для развития земледелия обладают горные тропики и субтропики, к которым отнесены и районы Причерноморья.

В историографии утвердилась концепция о существовании *прямой взаимосвязи* между культурогенезом, включающим доместикацию, селекцию, формирование «производящих» моделей экономики, антропогенезом (происхождением человечества) и этногенезом [3, с. 299–317; 4]. Кавказ в этом отношении является одним из регионов мира, на материале исследования которого эта концепция получила неоднократное подтверждение. Еще в 1926 году Н. Н. Вавиловым было выделено пять центров происхождения 650 основных полевых, огородных и садовых растений. Согласно предложенной типологии район Причерноморья был включен (вместе с переднеазиатским и северо-западноиндийским) в границы «кавказского очага» Юго-Западноазиатского центра [5; 6, с. 562, 564]. К центру были отнесены очаги происхождения ряда культурных растений: ди- и тетраплоидные виды пшеницы, рожь, ячмень, инжир, гранат, айва, алыча, черешня, миндаль, розы, мак, люцерна посевная, клевер-шабдар, эспанцет.

Во второй половине XX века полицентричная теория развития видов культурных растений получила дальнейшее развитие. Было разработано несколько концепций, расширяющих представление о числе и локализации «мега-

центров» и «микроцентров» (Н. П. Жуковский), «центров» (А. И. Купцов), «географических областей» (Е. Н. Синская) происхождения культурных видов. Следует особо отметить, что вне зависимости от вариаций редакции теории центров происхождения культурных растений в системе дискретного формообразования культурной флоры ни Западный Кавказ, ни Закавказье *не выделялись из Переднеазиатского центра*. В этой связи можно предположить, что в геоботанике нет разработок, однозначно связывающих эти процессы с процессами этногенеза или оценкой «цивилизационного» вклада автохтонных этносов Кавказа. На этом стоит акцентировать особое внимание в связи с появлением работ, активно проводящим тезис о цивилизационной значимости, *уникальности*, а, следовательно, и этнической специфике традиционных форм природопользования и культуры конкретных этносов. В качестве примера приводится традиционная система природопользования (культура жизнеобеспечения) адыгов Причерноморья, которая, по мнению ряда исследователей, имела четко выраженную этническую специфику [7; 8].

Не оспаривая оценок историографии второй половины XIX века о **высоком уровне эффективности** этих систем и провале первых попыток адаптации переселенцев [9; 10; 11], следует все же отметить их ограниченные возможности для экстраполяции. Так, с одной стороны, за пределами внимания историографов XX века остались тенденции *успешного сельскохозяйственного освоения* этого района второй волны переселенцев – выходцев из Передней Азии, Средиземноморья, Европейской части России. На смену адыгам пришли не только русские, но и этносы, имеющие многовековой опыт развития земледелия в горных районах (армяне, грузины/мингрелы), селекционного садоводства (молдаване, украинцы), высокоэффективного хуторного животноводства (эстонцы, немцы). Именно полиэтничный состав населения определил внутреннее содержание «колонизации», как процесса, составляющей которого стали урбанизация, интродукция субтропических культур, развитие рекреационного потенциала и инфраструктуры региона. Это привело к тому, что облик причерноморских районов Западного Кавказа стал аналогичным прибрежным районам

Средиземноморья, а процесс «колонизации» охватил всего столетие, то есть шесть-восемь поколений переселенцев. Это исключительно высокие темпы качественного преобразования социальной инфраструктуры, аналогов которым в мире не так много. Поэтому и механизмы адаптации переселенцев в Причерноморье ничем не отличаются от глобальных тенденций. Переселенцами сохранялись основные элементы традиционной хозяйственной специализации, апробированные веками технологии адаптировались к новому ландшафтному окружению при сохранении отдельных элементов культуры жизнеобеспечения автохтонного населения. В силу этого ситуативная характеристика социальных проблем конца XIX века, содержащаяся в историографических источниках, не имеет никакого отношения к социально-экономическим процессам XX – начала XXI века. Это – процессы развития, а не однозначной деградации традиционных систем природопользования, что прослеживается как по положительной динамике изменения численности населения, так и по бесконфликтному характеру межэтнических отношений.

Второй аспект анализа связан с крайней проблематичностью выявления *уникальности* традиционных форм природопользования адыгских племен без проведения компаративного анализа с материалами по традиционной культуре населения побережья Черного моря (Абхазии, Грузии, Болгарии, Турции), и горных экосистем Северного Кавказа. Здесь мы опираемся на общеизвестный факт, что адыгские племена находились в системе непрерывных экономических (торговых) связей с этими районами Кавказа. Эта си-

стема межэтнических коммуникационных связей неизбежно приводила не только к специализации районов, но и к постоянному обмену технологиями, сортами культурных растений, породами скота. Специфика землепользования в этих условиях могла проявиться только благодаря специфике ландшафтного окружения.

Отличие Причерноморья от плоскостной части Северного Кавказа, где адыгские племена занимались преимущественно скотоводством при ограниченной практике земледелия [12, с. 62], заключалось в том, что здесь эта отрасль хозяйства детерминировала *весь комплекс территориальных связей*. В этом отношении представляют интерес данные экспликации земель в пределах Сочинского округа, полученные в 1866 году при обобщении материалов топографической съемки 1865 года комиссией генерала Н. Н. Муравьева-Карсского, которая вошла в историографию под названием «Комиссия агронома И. С. Хатисова и лесничего А. Д. Ротиньянца» [13]. Экспликация земель сельскохозяйственного назначения, составленная комиссией (табл. 1), охватывает этническую территорию (с запада на восток) натухаевцев, шапсугов, убыхов. Представленные материалы однозначно свидетельствует, во-первых, о земледельческой «детерминанте» в комплексном хозяйстве автохтонного населения. Во-вторых, об интеграции хозяйственного комплекса в лесные ландшафты, о необходимости перманентных агротехнических мер, направленных на сохранение сельскохозяйственных угодий как от зарастания, так и от потравы лесными животными (медведь, кабан).

Таблица 1

Черноморское побережье. Участок Туапсе-Сочи Экспликация земель

Участок побережья	Площадь (дес.) S общ.	Сельскохозяйственные участки			Леса	Скалы и неудобные места	Доля пашни к S общ.	Доля пастбищ к S общ.
		Пастбища	Пашня	Всего				
Туапсе – Аше	58188	8230	26820	35050	20429	2709	46 %	14,1 %
Аше – Шахе	74177	4271	19047	23318	47034	3825	25 %	5,7 %
Шахе – Сочи	65427	1682	16442	18124	43628	3675	25 %	3,6 %

Судя по данным таблицы, наибольшее количество пашенных участков приходилось на этническую территорию шапсугов. По свидетельству комиссии, между р. Шахе и р. Туапсе сельскохозяйственные угодья были приурочены к «двойному ряду» аулов. Первый – приморская полоса (в нескольких километрах от моря), второй – верховья рек, ближе к Кавказскому хребту. Отмечалась, что большая часть пригодных для сельскохозяйственного освоения земель находилась в приморской полосе. Так, на участке Аше-Шахе из 23 318 десятин на приморскую часть приходилось 18 000 десятин (77,2 %).

Таким образом, материалы комиссии однозначно свидетельствуют о значительно большей плотности автохтонного населения в прибрежной и предгорной зонах в сравнении с горными районами Северного Кавказа. Данные комиссии свидетельствуют и о снижении удельного веса земледелия в комплексном хозяйстве территориальных общин в зависимости от их «привязки» к вертикальной зональности природно-территориальных комплексов. Расположение территориальных общин в верхнем течении рек позволяло иметь прямой выход к высокогорным пастбищам, что поднимало значимость животноводства. Отсутствие острой необходимости использования под сенокосы (или выгон) оставляемых «под пар» пашенных участков обуславливало сохранность лесов. В приморской полосе стремление предохранить посевы и плодовые деревья от вредного воздействия туманов [10, с. 46] определили, с одной стороны, локализацию усадеб в некотором отдалении от прибрежной полосы и на возвышенностях. С другой стороны – сохранение между усадьбами лесных полос. В силу того, что склоны Черноморской цепи южной экспозиции были сплошь покрыты лесами, ведение земледельческого хозяйства способствовало накоплению эмпирических знаний по лесоводству. Об этом свидетельствует тот факт, что в приморской части лес не был вырублен, несмотря на его высокую товарную значимость и легкость доставки к побережью, где его покупали турки. Населением осознанно оставлялись лесозащитные полосы и в долинных комплексах, ограждающих поля не только от туманов, но и от бризов – холодных потоков воздуха, спускающихся по ущельям в ночное время. Об этих «опушках» упоминается в путевых заметках Дюбуа де Монпере и в более поздних обследо-

ваниях [10; 13; 14, с. 436]. Интерес представляет, то что при подсечной форме земледелия никогда не вырубались каштан и грецкий орех [15, с. 17].

Пашни представляли небольшие прямоугольники, площадью в пределах 0,3–0,5 га (максимум 1,0–2,0 га), направленные перпендикулярно склонам. Существовала и практика ограниченной распашки прирусловых террас, на которых высевалась кукуруза. Поля, таким образом, не только не находились в границах приусадебного комплекса, но и не располагались сплошными площадями. Это однозначно свидетельствует не столько об ограниченных возможностях «коллективной обработки» (хотя кооперация в рамках патронимий была возможна), сколько об отсутствии коллективных форм собственности на землю.

Локализацию пашен и их размеры следует считать универсальной для горных лесов как Кавказа в целом, так и других горных экорегионов. В качестве примера можно привести Саяно-Алтайский экорегион, где в условиях черновой тайги (Шория, Северо-Восточный Алтай, Хакасия) площадь пашенных участков также варьировала в пределах 0,5–1,5 десятин. Обрабатывались участки вручную (12–24 дня), и во всех случаях находились на склонах южной экспозиции в разорванном контуре по отношению к приусадебным участкам [16; 17].

Шапсугам были известны и технологии искусственного террасирования склонов. Фактов о его повсеместном распространении нет, однако на участке Аше-Туапсе комиссией И. С. Хатисова и А. Д. Ротиньянца было обнаружено, что наиболее крутые склоны были искусственно «...прорезаны небольшими террасами и приспособлены для посевов...». Отвесы были укреплены каменными стенами сухой кладки. Так как почвенный слой в этом районе не превышает 0,5–0,6 м, можно предположить, что террасы здесь сооружались с применением технологий, характерных для других горных районов Кавказа [18]. Воздвигалась стена (врезалась в склон), из ближайшего источника на стену направлялась вода, в результате чего получалась горизонтальная площадка, образуемая из смывтой со склона почвы. Затем, возможно, наносился дополнительный слой плодородной почвы [19, с. 54] с последующим внесением органических удобрений. В данном случае вода являлась необходимым элементом для постройки почвы, а не как противозероэрозийное сооружение.

В пользу использования этой технологии создания террас говорит широко распространенная у шапсугов практика орошения сельскохозяйственных участков. По данным комиссии, «...небольшие реки, берущие начало у второго яруса... в некоторых местах отведены в маленькие каналы...» [13, с. 123]. Однако и эти технологии не являлись уникальными. Террасы, как и определяемые ими технологии полива, были у многих народов Кавказа. Наиболее вероятно, что в Причерноморье, как и у аварцев, даргинцев, осетин, грузин, карачаевцев и др., применялся поверхностно-самотечный способ полива (по бороздам). Привлекательность террасового земледелия заключалась в том, что свойственные этой форме трудозатраты полностью окупались высокой урожайностью сельскохозяйственных культур. В то же время следует особо отметить, что, судя по исключительной скудости данных, практика террасирования полей в этом районе была не столь типичной в сравнении с горными районами Дагестана, где террасированию подвергались все прилегающие к селениям склоны, например, в окрестностях н. п. Кубачи, известного по Кавказу ремесленного центра [20].

Приусловые террасы использовались под выгон и сенокосы, и только в отдельных случаях – под посевы кукурузы. Так как малярийный период начинался в июле, обработку культуры заканчивали в середине июля, а уборку – в октябре. Как правило, горцы спускались в долины для полевых работ только с пригревом солнца и поднимались в аулы до заката солнца [21, с. 12].

Технологии обработки почвы в этом районе были аналогичны практикуемым как в Имеретии, так и в Абхазии. В зависимости от уровня уклона участка практиковалась или ручная обработка (мотыгой), или использование легкого пахотного орудия (рало), в которое впрягалась пара быков или буйволов. И здесь прослеживается очень много общего в традиции пользования бороной [22; 23, с. 55–56; 24, с. 17].

Урожайность основных культур у населения Причерноморья в первой половине XIX века (табл. 2) была значительно выше, чем у переселенцев второй половины века и сопоставима с современной средней урожайностью культур в РФ (табл. 3), несмотря на модернизацию технологий обработки земли и селекцию. Во многом это определялось традицией ручной обработки почвы и продуманным севооборотом.

Таблица 2

Урожайность основных сельскохозяйственных культур. Автохтонное население [10, с. 51; 26, с. 7]

Культуры	Урожайность основных сельскохозяйственных культур			Посев
	в самах	пуд /дес.	ц/га	ц/га
Кукуруза	40–80	150	22	0,36
Гоми	80–120	150	22	0,22
Пшеница	18–35	175	25,6	1,0

Сорта основных полевых культур на Кавказе были районированы в соответствии с местными почвенными и климатическими условиями. На Северном Кавказе культивировалось не менее 15 сортов проса [25, с. 10]. Информации о том, какие сорта были распространены в Причерноморье, нет. Кукуруза появилась на Западном Кавказе в XVII веке из Турции [22, с. 33; 25, с. 11] и получила широкое распространение благодаря высокой урожайности. Есть упоминания, что в числе культивируемых зерновых культур были ячмень и овес. На небольших площадях для личного потребления высаживался табак. Возделывались огородные культуры: лук, чеснок, красный перец, репа, редька, редис, свекла, бобы (лобби), фасоль, горох, помидоры, тыква, огурцы, арбузы, дыня. Из пряных растений – кинза, фенхгрекова трава. Культура картофеля стала распространяться только с приходом русских. Урожай шел только на личное потребление [15, с. 16; 21, с. 6].

Имеющиеся террасы использовались как под посевы, так и под разбивку садов. На пашенных участках, расположенных в долинных комплексах, наиболее крупные и ветвистые деревья не вырубались; по ним, как и по высаженным плодовым деревьям, пускались виноградные лозы. Однако и эти технологии, позволяющие снимать с одного участка по два-три урожая (зерновые, бобовые, садовые культуры), активно использовались и другими народами Кавказа [22, с. 15; 28, с. 93]. Можно отметить и то, что в данном районе эти технологии были использованы в дальнейшем и переселенцами, что также не свидетельствовало о *копировании традиций*. Так, амшенскими армянами практиковалась расчистка и подготовка склонов под табак с дальнейшей раз-

бивкой садовых участков, ориентированных также на получение товарной продукции. Собственно технологии горного земледелия и садоводства, на наш взгляд, были универсальны и не всегда носили этническую окраску.

Следующий сюжет связан с явной переоценкой вклада адыгских племен в развитие садоводства. Он, вне сомнения, был высок. О степени развития садоводства у абадзехов, убыхов, шапсугов, натухаевцев свидетельствует уже тот факт, что в советский период для эксплуатации «лесосадов» организовывались *специализированные совхозы*. Учетная площадь лесов с большим количеством дикорастущих садов составляла 45,0 тыс. га (то есть более 30 % от всей площади в СССР). Основной породой в лесосадах были долговечные сорта груши (до 200 лет) и яблони (10–15 % в составе грушевых садов). Меньшая площадь приходилась на косточковые породы, но и их общая площадь была достаточно высока [29, с. 556]. Обилие приморских садов обращало на себя внимание почти всех посетивших этот район. О садах есть упоминания у Белла, Дюбуа де Монпере, Спенсера. О них писали в своих отчетах агрономы И. С. Хатисова, И. Н. Клинген, Н. Гейдук, лесничий А. Д. Ротиньянц, И. Л. Серебряков. Описание сортов оставил и подполковник корпуса лесничих граф А. Варгас де Бадемар. Во всех работах дореволюционных исследователей отмечается высокий уровень востребованности продукции садоводства у всех причерноморских групп адыгов [10; 13; 26; 30–33]. По источникам конца XIX – начала XX века, прослеживается, что приморскими группами адыгов выращивалось два вида алычи, два сорта граната, черешня, три сорта инжира, несколько сортов груш, яблонь, грецкий орех.

Таблица 3

Сравнительная урожайность основных сельскохозяйственных культур [10; 27]

Культуры	Урожайность основных культур			Современная урожайность
	пуд / дес.	ц/га	- / +	
Кукуруза	70–90	12,3–15,8	- 6,2	20–30
Гоми	30–40	5,3–7,0	- 15	10,4–16
Пшеница озимая	41,2	7,3		
Пшеница яровая	47,2	8,4		40–45

Культуры	Урожайность основных культур			Современная урожайность
	пуд / дес.	ц/га	- / +	
Рожь озимая	45,6	8,0	- 17	
Ячмень яровой	55–70	9,7–12,3		
Овес	65,4	11,4		

Примечание: перерасчет урожайности проводился нами, исходя из казенной десятины (согласно межевой инструкции 1753 года). 1 десятина = 1,0925 га.

Однако место садоводства в системе традиционного природопользования однозначно не свидетельствует об уникальности модели. Эту уникальность, в качестве этнического маркера, можно выявить только на основе сопоставления с практикой землепользования в сопредельных районах с аналогичными климатическими характеристиками. Эти сюжеты изучены явно недостаточно.

Научного описания «черкесских садов» первыми исследователями района дано не было, и собственно их видовой состав долгое время остался неизученным. Во многом это определялось и тем, что первой волной переселенцев в конце XIX века было сделано несколько безуспешных попыток интродукции новых для района плодовых культур, которые привели к смене видового состава садов.

Информационные лакуны о плодовых культурах причерноморских лесов были отчасти закрыты материалами экспедиций академика Н. И. Вавилова, его последователем академиком П. М. Жуковским, исследователем культурного наследия современной Адыгеи Барасби Хакуновым (автор «Словаря адыгских название растений»). Особое место в историографии занимают работы Н. А. Тхагушева – исследователя, внесшего существенный вклад не только в обобщении фрагментарных сведений о развитии садоводства в XIX веке и характере передаваемых из поколения в поколение традиционных знаний, но и в развитие садоводства Адыгеи [15; 34]. Здесь мы сталкиваемся с ярким примером вклада этнической элиты не только в сохранение, но и развитие традиционной хозяйственной специализации своего этноса, перевода традиционных знаний в области природопользования на уровень научного знания.

Таблица 4

Сортовой состав «черкесских» садов (конец XIX века – 30-е годы XX века)

Культура		Шансуг термин (по Солодько)	Характер распределения
Яблоня восточная, кавказская	Malus orientalis Uglitzk	Мые	Дикорастущий вид, основной компонент в генезисе культурной домашней яблони
Сорта яблонь: Агуемин (Черкесский розмарин), Мыцебы (Черкесское кислое), Псебашхамий (Черкесский сладкий синап), Альмэ (Черкесское длинное). Достигают возраста 90–120 лет			
Хурма кавказская	Diospiros lotus L	Хьурмэ	
Груша кавказская	Pyrus caucasica A. Fed	Къужьай	Около 20 межвидовых и межродовых гибридов, грушевые леса С.-З. Кавказа – самые крупные в мире. Площадь 400–1000 га
Сорта груш: Хутемы/Хьутемы (Бергамот – черкесский), Бжихакуж/Бжьыхьакужь (Черкесская зимняя). Достигают возраста 100–150 лет			
Айва (продолговатая)	Cydonia oblonga Mill	Айо	Эндемичный вид для Кавказа
Слива	Prunus Mill		Леса средней зоны Главного Кавказского хребта
Лучший из 4 сортов Хацепкэ (Навагинская Красинка) – Лазаревский и Адлерсий р-ны			
Терн	Prunus Spinosa	Пырэжьый	Вид полиморфен. Морфологически и экологически дифференцирован, вплоть до обособления мезофитных форм
Алыча	Prunus divaricata Ledeb	Пхьэгуль	6000 га в нижнем поясе лесов Кавказского хребта (500–600 м над уровнем моря)
Кавказская черешня	Cerasus avium (L.) Moench	Чэрээ	Дикая форма использовалась в качестве подвойного материала
Шудугоф (Бесплодная черешня) Шедугоплиж (Красноплодная/Черкесская)			
Кизил	Cornus mas L.	Зае	В сообществе с боярышником, алычой, орешником, терном
Орешник обыкновенный	Corylus avellana L.	Мэздужый, дамко	Повсеместное распространение
Каштан	Castanea sativa Mill Семейство Fagacea	Шьухьопчы	100.000 га
Мушмула	Mespilus germanica L.		Достигает возраста 250–300 лет
Виноград дикий	Vitis vinifera subsp Silvestris Gmel		Дикорастущий вид, основной компонент для 8 сортов винограда
Грецкий орех	Juglans regia L		В диком состоянии найден у иранской границы (Талыш). Урожайность 3,0–3,5 т/га. Достигает возраста 150–200 лет
Благородный лавр	Laurus nobilies	Нет данных	Средиземноморское происхождение, естественные заросли – следы древней колхидской растительности. Граница – район Сочи. Полиморфен. Более десяти разновидностей, не приуроченных к экологическим условиям
Инжир Фикусколхидский	Ficus Carica L. Ficus colchica Grossh	Ахьо	Несколько местных сортов. 30 ц/га. 2–3 дерева могут прокормить семью
Шелковица, Тут	Morus Nigra L. Morus alba L.	Бэйдэкь	

По полевым материалам (1940-е годы) Н. А. Тхагушеву удалось установить 45 видов, культивирувавшихся в черкесских садах: 15 сортов яблони (зимнего сорта), 9 сортов груши, 2 сорта айвы, 4 сорта сливы, 3 сорта черешни, 1 сорт инжира, 1 сорт (разновидность) хурмы кавказской и 8 сортов винограда. При этом анализ источников позволил исследователю сделать вывод о том, что совершенно исчезли все сорта персика, летние сорта яблонь (Миешабо), части сортов груши, черешни, айвы, винограда [15, с. 52].

Применяемые традиционно технические приемы определили качественные признаки черкесских садовых культур, к которым вплоть до настоящего времени относят долговечность, мощный рост (грецкий орех, каштан, груша), стойкость против сельскохозяйственных вредителей и болезней (адыгами не практиковалось лечение), высокую урожайность (табл. 7) и «лежкость»/сроки хранения [15, с. 63–74].

Приведенные нами в табличную форму материалы (табл. 5) показывают, что высокая урожайность создавала условия, при которых плодовые культуры, находящиеся в непосредственной близости от усадебного комплекса, в полной мере обеспечивали потребности семей. А также то, что продукция садоводства, возможно, была сориентирована не только на обеспечение натуральных хозяйств. Несомненно, она имела товарную значимость и была интегрирована в другие отрасли хозяйства.

Таблица 5

Урожайность плодовых культур [15, с. 70, 79, 101]

Сорт	Черкесские сады	Стандартная
Яблони Агуемий (черкесский розмарин), Мычезен (черкесское сладкое), Хакошомий	400–800 кг	160–180 кг
Груши Бжедякокуж и Мокоонугокуж	300–350 кг	70–120 кг
Груша Хутемы (Черкесский бергамот)	500–1700 кг	
Слива Хацепкэ (Навагинская Красинка)	75–170 кг	13–30 кг
Слива Мугур	до 200 кг	
Орех Фундук Черкесский II	10–20 кг	

Сорт	Черкесские сады	Стандартная
Грецкий орех		50–60 кг
Каштан сладкий		70–100 кг
Виноград (1 лоза)	500 кг	

Специфика адыгских садов, возможно, определялась не только традиционными технологиями. Во многом – последовательно формируемым ландшафтным окружением. По свидетельству М. И. Венюкова, часть лесных массивов, окружающих жилищно-поселковые комплексы, осознанно превращалась в сады [9, с. 19].

Продукция с этих участков входила в пищевую цепь не только населения, но и лесных животных – медведей, кабанов, копытных и т. д. Традиции автохтонного населения объективно сформировали ситуацию, при которой в особо охраняемых зонах Сочинского национального парка находятся участки антропогенных лесных ландшафтов, несущие информацию о традициях их хозяйственного использования.

Если обратить внимание на виноградарство, то следует отметить, что уровень развития этой культуры был сравнительно невысоким. В Адыгее было известно всего восемь-десять сортов винограда. В сопредельных районах Абхазии этих сортов винограда было около пятидесяти. Возможно, эта ситуация определялась упадком отрасли, связанным с появлением у адыгов запретов на потребление спиртных напитков из винограда. Борьбу против виноделия и виноградарства активно вели муллы (эфенди), прибывшие из Турции. Однако объяснить только этими причинами относительно низкий уровень развития отрасли трудно. Возможно, причинами являлись отсутствие специализации и слабый уровень развития товарного виноделия.

Отмечаются и экологические ограничители развития этой культуры, определяемые не столько малым числом участков, которые можно было отнести под эту культуру, сколько климатическими параметрами и характером почв. Именно они предопределяли ситуацию, при которой все попытки интродукции европейских сортов винограда, предпринятые крупными собственниками в начале XX века в этом районе, оказались безуспешными, а отрасль – убыточной.

Причина видится не только в том, что сорта винограда, привезенные из Франции, Италии, Германии требовали последовательной их адаптации к новому ландшафтному окружению, но и в осознанном игнорировании накопленных в этом районе традиций. Виноград у адыгов этого района был высокоствольным, что позволяло охватывать культурой не только прибрежные участки, но и предгорную зону. Наши полевые материалы 2014 года в бассейне р. Сочи показывают, что виноград возделывался выше устья р. Ац [35]. В условиях сырого и влажного климата прибрежной зоны виноград, пущенный по деревьям, меньше подвергался сырости, получал больше тепла и солнечных лучей. Этот способ (магиари) имел широкое распространение у убыхов и абхазов. Лоза запускалась на специально выбранные саженцы плодовых деревьев, крона которых последовательно разрезалась. Через каждые 7–10 лет лозу снимали, очищали от сухих и старых побегов. В результате старые лозы достигали толщины 20 см, а урожай с одной лозы достигал 30 пудов/0,5 т [13, с. 116].

В целом из исключительно широкого спектра агротехнических приемов активно применялись только прививка, размножение черенками, прореживание кроны, омолаживание и т. д. Однако эти технологии были не только у причерноморских адыгов. Они практиковались и в Абхазии, и в Мингрелии.

Часть насаждений использовалась явно коллективно. Так, по сведениям Джэймса Бэлла на восточном берегу р. Сочи виноградники тянулись на 1,5 версты и составляли общественную собственность. При этом общая численность населения долины была 5000 человек [36, с. 8]. Обширные насаждения винограда были и в средней части долины р. Хошуапсе, к югу от р. Псеуапсе (современное название п. Лазаревское), в ущелье Шмитокуадж (устье Шахе), где его владелец в 1870-х годах с «черкесского винограда» получал до 3 000 ведер вина [33, с. 53–54], то есть в пределах 2 700 декалитров (исходя из 7 л/ведро).

Этническая специфика природопользования причерноморских адыгов прослеживается по формированию пищевой цепи. Потребность в жирах, белках и углеводах в этом районе покрывалась за счет орехов, яблок, груш (в сушеном виде) и традиционного подбора сортов плодовых. Связано это было не только с традицией консервации, но и с последовательностью сроков созревания

(табл. 6), определяющих круглогодичное потребление продукции садоводства. Одной из технологий консервации продукции плововодства была сушка с дальнейшим перемальванием сухофруктов на муку, используемую при приготовлении традиционных блюд. Сухофрукты из переспелых сладких плодов (Черкесский бергамот) потребляли без переработки. Из свежих плодов делали пастилу (бекмес) и спиртные напитки. Особое место в пищевой цепи имел грецкий орех, который по своей калорийности превосходит хлеб (в 3 раза), картофель (в 7 раз), плоды груши (в 14 раз) [34, с. 41]. Из грецкого ореха получали масло (содержание жира в орехе – в пределах 70 %). В зимний период на стол подавались каштаны и фундук. Каштан после огневой сушки, очистки, перемолки подмешивался в муку, используемую при выпечке хлеба и в супах.

Таким образом, продукция плововодства и виноградарства в исследуемом районе не только могла быть естественной заменой продукции земледелия (в неурожайные годы), но и имела четко выраженную товарную значимость. В источниках отмечалось, что часть урожая шла на обмен (на зерно) с жителями предгорных районов, часть экспортировалась в Турцию [15, с. 38–39].

Таблица 6

Последовательность сроков вызревания основных культур

Время сбора	Сорта
Конец мая – начало июня	Ранние сорта черешни
Конец июня – начало июля	Миешабо (мягкие яблоки), ранние сорта груши и сливы
Сентябрь-октябрь	Грецкий орех (лежка в течение года)
Октябрь	Зимние сорта яблони (лежка до июня). Каштан сладкий. Виноград
Конец декабря	Зимние сорта груши Бжихакуж

В то же время следует особо отметить, что по характеру применяемых технологий и урожайности культур развитие этих отраслей опять же сопоставимо с сопредельными районами Абхазии и Грузии. В силу этого содержащееся в работах адыгских исследователей утверждение об этниче-

ской константе развития садоводства и уникальности вклада черкесов недостаточно аргументировано и требует приведение нового комплекса доказательств. Более справедливо утверждение об успехах адаптации традиционных форм экономи-

ки адыгов к ландшафтному своеобразием Северо-Западного Кавказа на основе отлаженной системы межэтнических коммуникаций, при которой шел непрерывный обмен технологиями, сортами, породами скота, товарной продукцией.

Литература

1. Агрохолдинг Союз. Сельскохозяйственные товары, производство, закупка, переработка, продажа [Электронный ресурс]. – URL: http://agrogold.ru/harakteristika_proso_sorta_gaznov (дата обращения: 10.01.2014).
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX веков / под ред. В. К. Гарданова. – Нальчик, 1974. – 635 с.
3. Алексеев В. П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
4. Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. – 1936. – № 2. – С. 80.
5. Вавилов Н. И. Пять континентов. – М., 1987. – 348 с.
6. Варгас де Бедемар А. Р. Записки об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края // Зап. Кавказ. о-ва сел. хоз-ва. – 1867. – № 3–4.
7. Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Рус. старина. – 1878. – Июнь, кн. VI. – С. 249–250.
8. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. – М.: Наука, 196. – 328 с.
9. Гегелидзе М. К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе // Мат-лы VII Междунар. конгр. антропологии и этнографов. – Репринт. – М., 1964.
10. Гейдук Н. О значении сельскохозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Рус. вестн. – СПб., 1867.
11. Гончаров Н. П. Центры происхождения культурных растений // Информ. вестн. ВОГиС. – 2007. – Дек. – Т. 11, № 3/4. – С. 561–574.
12. Джэймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837–1839 годов. – Репринт. – Лондон. – Т. 1.
13. Дьячков-Тарасов А. Н. Абадзехи // Зап. Кавказ. отд. Рус. геогр. об-ва. – Тифлис, 1902. – Т. 22, вып. 1. – С. 1–33.
14. Калоев Б. А. Этнические традиции в земледелии народов С. Кавказа. – М., 1973. – 15 с.
15. Клинген И. Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. – СПб., 1897.
16. Кривенко В. С. Очерки Кавказа. Поездка на Кавказ осенью 1888 года. – СПб., 1893. – 246 с.
17. Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века // Мат-лы по истории земледелия СССР. – М., 1952. – С. 179–225.
18. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе, 1968. – 570 с.
19. Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // Совет. этнография. – 1952. – № 3. – С. 166–169.
20. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря // Зап. Кавказ. о-ва сел. хоз-ва. – Тифлис, 1867.
21. Половинкина Т. В. Аборигены Кавказского Причерноморья. Культура жизнеобеспечения. – Нальчик, 2004. – 85 с.
22. Розин И. Н. Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // Докл. Сочин. отд. Геогр. о-ва СССР. – Л., 1971. – Вып. II. – С. 5–32.
23. Российская Федерация. Европейский Юго-Восток. – М., 1968.
24. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая в конце XIX – начале XX века (экологический аспект) // Проблемы археологии и этнографии Юж. Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. – С. 161–177.
25. Садовой А. Н. Полевой дневник. Этносоциальное обследование верховьев рр. Сочи и Мзымта. Начат 20.07.2014. – 51 с. // Текущий арх. лаб. этносоц. проблем.
26. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX века). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – 198 с.
27. Садовой А. Н., Кережи А. Полевые материалы 1977 года. Экспедиция каф. этнографии Ленингр. гос. ун-та. Дагестан. отряд. Рук. проф. Р. Ф. Итс.
28. Серебряков И. Л. Сельскохозяйственные условия северо-западной окраины Кавказа // Зап. кавказ. об-ва сел. хоз-ва. – Тифлис, 1867. – № 1–2.
29. Спенсер Эдмонд. Путешествия в Черкессию [Электронный ресурс]. – Майкоп: Адыгея, 1994. – Письмо 25. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/ XIX/ 1820-1840/ Spenser/text2.htm> (дата обращения: 10.01.2014).

30. Тхагушев Н. А. Орехоплодные Краснодарского края. – Майкоп: Адыг. республик. кн. изд-во, 2003. – 320 с.
31. Тхагушев Н. А. Садоводство адыгов: народные традиции, описания сортов, лесосады. – Майкоп: Адыг. республик. кн. изд-во, 2008.
32. Хотко Самир. Система жизнеобеспечения Черкесии. XVIII – первая половина XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aheku.org/articles/russian/hist/1593> (дата обращения: 10.11.2014).
33. Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. (XIX – начало XX века). – Тбилиси: Мецниереба, 1977. – 140 с.
34. Читая Г. С. Горное земледелие на Кавказе // Мат-лы по этнографии Грузии. – Тбилиси, 1960. – Т. XI. – С. 65–70.
35. Шнирельман В. А. Идеи Н. И. Вавилова и современные данные о формировании ранних очагов производящего хозяйства // Вавилов. наследие в современ. биологии. – М.: Наука, 1989. – С. 299–317.
36. Юрченко П. Д. Некоторые данные из развития садоводства в субтропической зоне Краснодарского края // Докл. Сочин. отд. Геогр. об-ва СССР. – Л., 1971. – Вып. II.

References

1. Agroholding Soiuz. Sel'skokhoziaistvennye tovary, proizvodstvo, zakupka, pererabotka, prodazha [Agro Union. Agricultural commodities, production, purchase, processing, sale]. (In Russ). Available at: http://agrogold.ru/harakteristika_proso_sorta_raznov (accessed 10.01.2014).
2. Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiiakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vekov [Circassians, Balkars and Karachai in European authors proceedings in XIII–XIX centuries]. Edited by V.K. Gardanova. Nal'chik, 1974. 635 p. (In Russ.).
3. Alekseev V.P. Stanovlenie chelovechestva [Mankind formation]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 462 p. (In Russ.).
4. Vavilov N.I. Mirovoi opyt zemledel'cheskogo osvoeniia vysokogorii. [World experience of highland agricultural development]. *Priroda [Nature]*, 1936, no 2, p. 80. (In Russ.).
5. Vavilov N.I. Piat' kontinentov [Five continents]. Moscow, 1987. 348 p. (In Russ.).
6. Vargas de Bedemar A.R. Zapiski ob osmotre zapadnogo Chernomorskogo berega Zakavkazskogo kraia [Notes on the western Black Sea coast inspection Transcaucasian region]. *Zapiski Kavkazskogo obshchestva sel'skogo khoziaistva [Notes Caucasian Society of Agriculture]*, 1867, no 3–4. (In Russ.).
7. Veniukov M.I. K istorii zaseleniia Zapadnogo Kavkaza. 1861–1863 gody [To the history of the Western Caucasus settlement. 1861–1863]. *Russkaia starina [Russian old]*, 1878, June, vol. VI, pp. 249–250. (In Russ.).
8. Gardanov V.K. Obshchestvennyi stroi adygskich narodov [Social system of Adyge nation]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 328 p. (In Russ.).
9. Gegelidze M.K. Terrasnoe oroshaemoe zemledelie na Kavkaze [Terraced, irrigated agriculture in the Caucasus]. *Materialy VII mezhdunarodnogo kongressa antropologii i etnografii [Proceedings of the VII International Congress of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, 1964. Reprint. (In Russ.).
10. Geiduk N. O znachenii sel'skokhoziaistvennoi promyshlennosti na severo-vostochnom beregu Chernogo moria [On the importance of the agricultural industry in the north-eastern shore of the Black Sea]. *Russkii vestnik [Russian Bulletin]*. St. Petersburg, 1867. (In Russ.).
11. Goncharov N.P. Tsentry proiskhozhdeniia kul'turnykh rastenii [Centers of cultivated plants origin]. Herald of Vavilov Society for Geneticists and Breeding Scientists, 2007, December, vol. 11, no 3/4, pp. 561–574. (In Russ.).
12. James Bell. Dnevnik prebyvaniia v Cherkessii v techenie 1837–1839 godov [Diary of stay in Circassia during the 1837–1839. Reprint]. London, vol. 1. (In Russ.).
13. D'iachkov-Tarasov A.N. Abadzekhi [Abadzekhi]. *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Caucasian Department of the Russian geographical society]*. Tiflis, 1902, vol. 22, part. 1, pp. 1–33. (In Russ.).
14. Kaloev B.A. Etnicheskie traditsii v zemledelii narodov S. Kavkaza [Ethnic traditions in S. Caucasus nations farming]. Moscow, 1973. 15 p. (In Russ.).
15. Kligen I.N. Osnovy khoziaistva v Sochinskom okruge [Management fundamentals in the Sochi district]. St. Petersburg, 1897. (In Russ.).
16. Krivenko V.S. Ocherki Kavkaza. Poezdka na Kavkaz osen'iu 1888 goda. [Essays on the Caucasus. A trip to the Caucasus in the autumn of 1888]. St. Petersburg, 1893. 246 p. (In Russ.).
17. Lavrov L.I. Razvitie zemledeliia na Severo-Zapadnom Kavkaze s drevneishikh vremen do serediny XVIII veka [The agriculture development in the North-West Caucasus since ancient times to the middle of the XVIII century]. *Materialy po istorii zemledeliia SSSR [Materials on the history of agriculture of the USSR]*. Moscow, 1952, pp. 179–225. (In Russ.).

18. Magometov A.K. Kul'tura i byt osetinskogo naroda [Ossetian nation culture and life way]. Ordzhonikidze, 1968, 570 p. (In Russ.).
19. Nikol'skaia Z.A., Shilling E.M. Gornoe pakhotnoe orudie terrasovykh polei Dagestana [Mining plows of Dagestan terraced fields]. *Sovetskaia etnografiia [Soviet Ethnography]*, 1952, no 3, pp. 166–169. (In Russ.).
20. Otchet komissii po issledovaniiu zemel' na severo-vostochnom beregu Chernogo moria [Report of the Commission of Inquiry into land on the northeastern shore of the Black Sea]. *Zapiski Kavkazskogo obshchestva sel'skogo khoziaistva [Notes of Caucasian Society of Agriculture]*. Tiflis, 1867. (In Russ.).
21. Polovinkina T.V. Aborigeny Kavkazskogo Prichernomor'ia. Kul'tura zhizneobespecheniia [Natives of the Caucasus Black Sea. Culture of subsistence]. Nal'chik, 2004. 85 p. (In Russ.).
22. Rozin I.N. Sel'skoe khoziaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii [Agriculture in Sochi district before Great October Socialist Revolution]. *Doklady Sochinskogo otdela geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of Sochi Geographical Society of the USSR]*. Leningrad, 1971, iss. II, pp. 5–32. (In Russ.).
23. Rossiiskaia Federatsiia. Evropeiskii Iugo-Vostok [Russian Federation. European South-East]. Moscow, 1968. (In Russ.).
24. Sadovoi A.N. Territorial'naia obshchina Gornogo Altaia v kontse XIX – nachale XX veka (ekologicheskii aspekt) [The territorial communities of the Altai Mountains in the late XIX – early XX century (environmental aspect)]. *Problemy arkheologii i etnografii Iuzhnoi Sibiri [Problems of Archeology and Ethnography of South Siberia]*. Barnaul, Publishing House of the ASU, 1990, pp. 161–177. (In Russ.).
25. Sadovoi A.N. Polevoi dnevnik. Etnosotsial'noe obsledovanie verkhov'ev rr. Sochi i Mzymta. Nachat 20.07.2014. 51 s. [Field diary. Ethnosocial survey of Sochi and Mzymta rivers. 20.07.2014]. *Tekushchii arkhiv laboratorii etnosotsial'nykh problem [The laboratory of ethnosocial problem current archive]*. (In Russ.).
26. Sadovoi A.N. Territorial'naia obshchina Gornogo Altaia i Shorii (konets XIX – nachalo XX veka) [Rural (territorial) community of the Altai Mountains and Shoria (end of XIX–XX)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1992. 198 p. (In Russ.).
27. Sadovoi A.N., Kerezhi A. Polevye materialy 1977 goda. Ekspeditsiia kafedry etnografii Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Dagestanskii otriad. Rukovoditel' Professor R.F. Its [Field Materials of Ethnography Department (Leningrad State University) expedition in Dagestan. Supervisor Professor R.F. Its]. (In Russ.).
28. Serebriakov I.L. Sel'skokhoziaistvennye usloviia severo-zapadnoi okrainy Kavkaza [Agricultural conditions of the Caucasus north-western margin]. *Zapiski kavkazskogo obshchestva sel'skogo khoziaistva [Notes Caucasian Society of Agriculture]*. Tiflis, 1867, no 1, 2. (In Russ.).
29. Spenser Jedmond. Puteshestviia v Cherkesiiu [Travel to Circassia. Maikop]. Maikop, Adygeia Publ., 1994, Letter 25. (In Russ.) Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Spenser/text2.htm> (accessed 10.01.2014).
30. Tkhashev N.A. Orekhoplodnye Krasnodarskogo kraia [Nuts tree of Krasnodar kray]. Maikop, Adygei Republican Publishing House, 2003. 320 p. (In Russ.).
31. Tkhashev N.A. Sadovodstvo adygov: narodnye traditsii, opisaniia sortov, lesosady [Adygs gardening: folk traditions, descriptions of the varieties, forest-gardens]. Maikop, Adygei Republican Publishing House, 2008. (In Russ.).
32. Hotko Samir. Sistema zhizneobespecheniia Cherkesii. XVIII – pervaiia polovina XIX veka [Cherkessia system of subsistence. XVIII – first half XIX]. (In Russ.). Available at: <http://www.aheku.org/articles/russian/hist/1593> (accessed 10.11.2014).
33. Chanba R.K. Zemledelie i zemel'nye otnosheniia v dorevoliutsionnoi Abkhazii. (XIX – nachalo XX veka) [Agriculture and land relations in pre-revolutionary Abkhazia. (XIX – beginning XX centuries)]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1977. 140 p. (In Russ.).
34. Chitaia G.S. Gornoe zemledelie na Kavkaze [Mountain agriculture in the Caucasus]. *Materialy po etnografii Gruzii. [Materials on the ethnography of Georgia]*. Tbilisi, 1960, vol. XI, pp. 65–70. (In Russ.).
35. Shnirel'man V.A. Idei N.I. Vavilova i sovremennye dannye o formirovanii rannikh ochagov proizvodiashego khoziaistva [N.I. Vavilov ideas and current data of the early productive economy centers formation]. *Vavilovskoe nasledie v sovremennoi biologii [Vavilov legacy in modern biology]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 299–317. (In Russ.).
36. Iurchenko P.D. Nekotorye dannye iz razvitiia sadovodstva v subtropicheskoi zone Krasnodarskogo kraia [Some facts of the horticulture development in the subtropical zone of Krasnodar Krai. Sochi]. *Doklady Sochinskogo otdela geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of the Geographical Society of the USSR]*. Leningrad, 1971, iss. II.